

ЗВЕЗДА МИРОВОЙ ОПЕРЫ ЗУРАБ СОТКИЛАВА:

«Хочется, чтобы музыка состояла не из одного такта. Хотя бы из двух»

газета - 2007 - 12 марта - с 26

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Зураб Лаврентьевич Соткилава, знаменитый оперный певец, звезда Большого театра, отмечает сегодня юбилей. Нашей публике он известен еще и как обязательный телеведущий циклов передач об оперных певцах, а также экс-футболист, капитан юношеской сборной команды Грузии, ставшей в свое время чемпионом Советского Союза среди сборных молодежных команд. Праздничный оперный вечер с участием Соткилавы состоится в Большом театре в конце марта. Тем временем Зураб Лаврентьевич уделит время корреспонденту «Газеты» Ярославу Седову.

Зураб Лаврентьевич, вы один из немногих академических певцов, выступавших на эстраде задолго до того, как это стало массовым явлением.

Да, я много выступаю с эстрадными исполнителями. С некоторыми дружу — с Кобзоном, Долиной. Уважаю мастерство в любом жанре. Именно поэтому считаю, что нужно поднимать профессиональный уровень на эстраде. Сейчас побеждает примитив. Я понимаю, у шоу-бизнеса свои законы. Я всем желаю процветания. Но хочется все же, чтобы музыка состояла не из одного такта. Хотя бы из двух. Когда я учился в Тбилиском политехническом институте, уровень наших самодеятельных коллективов первых курсов, по-моему, часто был выше, чем сегодня на профессиональной эстраде.

Как вы попали в политехнический?

Я вообще-то хотел в медицинский. Но тогда без блата это было невыполнимо, а в политехнический оказалось проще поступить. Мне понравилась форма — красивая, с эполетами.

И потом, там была сильная футбольная команда.

Так это политехническому вы обязаны своим чемпионским титулом?

Не только ему, но и тбилисскому «Динамо», куда меня пригласили в 17 лет. А в 1956 году я был капитаном команды сборной Грузии и мы победили на чемпионате Советского Союза.

Вы часто бываете на стадионе?

Да, это лучший отдых для души. Для меня огромная радость ощущать атмосферу праздника, вдыхать запах зеленого поля. А если еще и игра хорошая — это просто наслаждение.

А петь на стадионах пробовали, как ваши коллеги Доминго, Каррерас, Паваротти?

Ой, не люблю я открытых площадок. В 80-е годы меня приглашали выступать на Арене ди Верона. Но после того как я спел на открытой площадке в Равенне и, приехав в Верону, увидел колоссальный стадион на 20 тысяч зрителей — без акустики, с микрофонами, подумал: как тут можно петь? И тут же отказался. Сделал, наверное, большую глупость — нельзя отказываться, когда тебя зовут. Но для меня это была бы профанация. Ведь в опере главное — живой голос. А упиваться звуком из микрофона и зрелищем через бинокль — это не для истинных ценителей. Зачем тогда идти в театр?

У вас были неудачи на сцене — серьезные или курьезные?

В молодости со мной произошел случай во время гастролей в Германии, в городе Людвигсхафене. Это, кстати, родина Гельмута Коля, один из самых богатых немецких городов. Там прекрасные концертные залы, про-

водятся по-настоящему серьезные музыкальные фестивали. В Людвигсхафене я очень удачно спел «Реквием» Верди и симфонию Брукнера. После этого меня пригласили спеть Радамеса в «Аиде». А у меня уже был контракт на последующие выступления в этой партии в Италии. В Москве я пел Радамеса — правда, на русском языке, — вот и подумал, что быстро освою итальянский текст.

И что — получилось?

Увы. Я не рассчитал. Первый акт спел успешно, после романса была целая овация. А дальше чувствую — слов не помню. Но я не растерялся и оставшиеся акты пел то по-русски, то по-итальянски, как что мог вспомнить. Итальянцы, пригласившие меня, прочитали об этом в газетах и бросились выяснять, в чем дело. Пришлось устроить для них специальное прослушивание, чтобы подтвердить, что я могу спеть всю партию по-итальянски. А через несколько лет на гастролях с Большим театром в Германии я пел партию Каварадосси в опере Пуччини «Тоска». Все прошло удачно, в финале — триумф. После всех поздравлений импресарио мне рассказала, что перед гастролями ее спросили: «Кто тенор в «Тоске»?». Она назвала меня и услышала в ответ: «Ой, не надо, он у нас пел». Но она все-таки настояла, и я смог себя реабилитировать.

У вас, наверное, много возможностей постоянно работать в Европе, Америке?

Если бы я там не жил и не знал, что это такое, то, может быть, в молодости и рванул бы. Но я не могу принять уклад той жизни. Там каждый сам по себе и за себя. Это невозможно сравнить с тем теплом духовного общения, к которому я привык в Тбилиси. Если нет общения — ради чего жить? **ГАЗЕТА**